

Л.А. Ходанен

«Редеет облаков летучая гряда...»

Стихотворение кишиневского периода, написано в 1820; опубликовано в 1824.

В раннем беловом автографе названо «Таврическая звезда», в «третьей кишиневской тетради» помещено под общим заглавием «Эпиграммы во вкусе древних» и вместе со стихотворениями «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» (позднее — «Нереида»), «Морской берег. Идиллия Мосха» (позднее — «Земля и море») и др. помечено «1820. Юрзуф». Один из автографов содержит под текстом указание «Каменка». Основу стихотворения составили воспоминания о Гурзуфе, где Пушкин находился в августе — сентябре 1820 года вместе с семьей Раевских. Пушкин гостил здесь с ноября 1820 по февраль 1821.

Среди прообразов героини («девы юной» в элегии) называли: Елену Николаевну Раевскую, Екатерину Николаевну Раевскую-Орлову, Марию Николаевну Раевскую-Волконскую. М.О. Гершензон указывал на «северную красавицу» Марию Аркадьевну Голицыну, внучку А.В. Суворова. В последнее время названа — в связи с «сердечными думами» героя стихотворения — Екатерина Андреевна Карамзина, жена Н.М. Карамзина.

Жанровая поэтика стихотворения «Редеет облаков летучая гряда...» соединяет черты антологии и романтической элегии. Антологизм рожден восприятием Крыма как античной Тавриды и поддержан мифологемой, организующей композиционный строй стихотворения. Речь идет об обращении героя и героини к звезде, вероятно Венере, восходящей на вечернем небе, с характерным двойным повтором в первом двустишии («звезда печальная, вечерняя звезда»), который напоминает заклинание. По предположениям Д.П. Якубовича, Пушкин использовал мотив из VIII идиллии Биона «К Гесперу» в переводе Н.Ф. Кошанского, лицейского профессора. Приметы романтической элегии создает в трех первых двустишиях ситуация воспоминания и ее многообразное развитие во второй части, где сквозь воспоминание преломлена тонкая, чувственная идиллия таврического пейзажа с его «сладостным» шумом моря и «нежной» дремой миртов и кипарисов, «ночную тенью на хижинах» и «полуденными волнами». Звуковая и цветовая гармония завершена объемными образами небесной высоты («летучая гряда облаков», «луч», посеребренный «равнины», «залив», «скалы») и горизонтальной раскинутости пространства, соединяющего равнины, залив, долины, горы, море, дважды обрамляющими пейзаж, центром которого является восход звезды. Но полной слиянности с «мирной страной» у героя не происходит. Это подчеркнуто обращением «юной девы» к звезде, которую она «именем своим... называла», и созерцательно-печальной отстраненностью героя. В мифопоэтике стихотворения запечатлена вечно юная античная гармония, объединяющая человека с природой, с небесами, и томление о недостижимом утраченном идеале. По воспоминаниям М.О. Гершензона (в передаче В.В. Вересаева), двойное наполнение образа звезды у Пушкина в связи с христианской символикой отмечал Вяч.Ив. Иванов: в средневековых католических гимнах дева Мария называется *Stella maris* (звезда морей), *Stella maris* — название планеты Венеры. Знакомство Пушкина с этими названиями подтверждает черновик «Акафиста К.Н. Карамзиной»: «Звезде морей, Небесной деве...».